

Егоров Александр Александрович

К ВОПРОСУ О МОТИВНО-ОБРАЗНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ "МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ХОЛОДА" И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ И. А. БРОДСКОГО

В статье рассматриваются ключевые репрезентации образа зимы и мотива умирания в поэзии И. А. Бродского как исходные посылки метафизического разрешения темы творчества и проблемы бессмертия поэта. Приводятся примеры реминисцентных сближений с творческой методологией М. И. Цветаевой. Особое внимание уделено анализу отдельных стихотворных текстов И. А. Бродского ("Эклога 4-ая (Зимняя)", "Муха"), входящих в число наиболее показательных в плане художественного проявления темпоральных установок поэта.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/1-1/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 58-62. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

данной реалии. В каком-то смысле писатели и поэты сами создают образ. Символы в отличие от образов не создаются – нельзя создать символ, как нельзя создать традицию. Символ складывается культурно, исторически – авторы только реализуют, используют уже существующий символический потенциал для решения своих художественных, творческих задач. Символическое значение слова складывается в языковом сообществе. Оно выражает определенные оценки социума, причем традиционно сложившиеся, условно принятые обществом.

Таким образом, аксиологическая бинарная оппозиция *чистый* – *грязный* пронизывает современный русский язык, создавая условия для реализации ее метафорического потенциала и в определенной степени влияя на сознание носителя языка. Выделенные аспекты весьма абстрактно представляют шаги последовательного освоения человеком (через свои переживания, через интуицию) бинарной оппозиции: от освоения значимости ее физических свойств для его практической деятельности к освоению значимости ее физических свойств для его оценочной деятельности.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд-е. СПб.: Норинт С. А. Кузнецов, 1998. 1536 с.
3. Глазунова О. И. Логика метафорических преобразований. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2000. 190 с.
4. Григорьева Т. В. Символическое значение слова: специфика и принципы выделения // Русский язык: функционирование и развитие (к 85-летию со дня рождения Заслуженного деятеля науки РФ профессора Виталия Михайловича Маркова): материалы Международной научной конференции (Казань, 18-21 апреля 2012 г.) / под общ. ред. Л. Р. Абдулхаковой, Д. Р. Копосовой. Казань: Казан. ун-т., 2012. Т. 2. С. 334-339.
5. Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М.: Наука, 1974. 344 с.
6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.11.2013).
7. Руднев В. П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 2009. 543 с.
8. Сергиенко Н. А. Сопоставительное исследование лексико-семантических групп прилагательных с идентификаторами «чистый/грязный» и «clean/dirty» (По материалам лексикографии): дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 2006. 189 с.
9. Цивьян Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: ДомКнига, 2005. 280 с.
10. Яковлева Е. С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе // Логический анализ языка. Языки этики. М., 2000. С. 200-216.

METAPHORICAL OPPOSITION *CLEAN* – *DIRTY* AS MEANS OF LANGUAGE INTERPRETATION OF REALITY

Grigor'eva Tat'yana Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Bashkir State University
Tagrig8@mail.ru

The article considers the features of the functioning of one axiological metaphorical opposition *clean* – *dirty* as a marker in the evaluation process of reality phenomena; describes the spheres of vital activity, for which interpretation the person uses this dyad, and pays attention to the specificity of symbolic meaning.

Key words and phrases: binary opposition; symbolic meaning; sphere; evaluative nature; opposition; metaphorical; antonymic

УДК 82.09

Филологические науки

В статье рассматриваются ключевые репрезентации образа зимы и мотива умирания в поэзии И. А. Бродского как исходные посылки метафизического разрешения темы творчества и проблемы бессмертия поэта. Приводятся примеры реминисцентных сближений с творческой методологией М. И. Цветаевой. Особое внимание уделено анализу отдельных стихотворных текстов И. А. Бродского («Эклога 4-ая (Зимняя)», «Муха»), входящих в число наиболее показательных в плане художественного проявления темпоральных установок поэта.

Ключевые слова и фразы: творческий метод; тема творчества; художественное время; тема смерти; метафизика творчества; реминисцентные связи; лирическая поэзия; художественный образ; Цветаева; Бродский.

Егоров Александр Александрович

Псковский государственный университет
egorov.alexan@gmail.com

К ВОПРОСУ О МОТИВНО-ОБРАЗНЫХ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ «МЕТАФИЗИЧЕСКОГО ХОЛОДА» И ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ И. А. БРОДСКОГО[©]

Как уже установлено исследователями, для творчества И. А. Бродского характерен пространственный принцип построения стихотворных текстов. Обоснование этого утверждения мы находим, в частности,

в работах Ю. М. и М. Ю. Лотманов [17], И. И. Ковалевой [13], Е. В. Мищенко [19]. Решая проблемы художественной формы, «<И. А.> Бродский осознает себя вне времени, но не вступает с ним в конфликт, выбирая пространство» (М. Гельфонд) [9, с. 346]. Однако трагические темы, как отмечается в публикациях Е. Бруднэ-Уигли [8], З. Журавлевой [12], А. А. Александровой [1] и других ученых, развиваются у поэта во временном ключе. Когда речь идет о бытии лирического героя, о смерти, наиболее полно проявляется именно темпоральная составляющая художественной картины мира И. А. Бродского. Данная особенность объясняет кажущееся противоречие, наблюдаемое в отдельных самопризнаниях поэта: «Время намного интереснее, чем, например, пространство» [4, с. 115-116] и «Время может дурачить пространство только до известного предела: в конце концов пространство нагоняет. Что такое, в конечном счете, годы? Что они могут измерить, кроме распада эпидермы, мозгов?» [6].

Доминирующее значение категории времени принято объяснять ее ярко выраженной деструктивной функцией. «Время в поэзии <И. А.> Бродского всегда выступает как стихия враждебная, ибо его основная деятельность направлена на разрушение, – пишет М. Крепс. – Результат действия времени – осколки, развалины, руины – слова, часто встречающиеся в близких смысловых контекстах распада, будь то речь о вещах, зданиях, бабочке или человеческом организме» [14, с. 171].

Обратимся к «Эклоге 4-й (Зимней)» (1977), стихотворению И. А. Бродского, неоднократно привлекавшему внимание исследователей и комментаторов (см., например, работы Б. Шерр [25], В. П. Полухиной [26, Р. 251-257], А. С. Усачевой [22]), но в силу своей безусловной художественной значимости требующему дополнительных наблюдений и концептуальных решений.

В тексте стихотворения, начиная с первой его строки, присутствуют приметы времени, определенного времени года: «Зимой смеркается сразу после обеда», «роза и незабудка в разговорах всплывают все реже», «собаки <...> оставляют следы» [7, с. 72]. В каждой из четырнадцати главок этого стихотворения мы встречаем экспоненты зимы: снег, вьюга, мороз, февраль, стужа, сугроб и другие. В ключе зимней образности поднимаются проблемы творчества («зевок загоняет в берлогу простую фразу» [Там же]), рассматриваются общеполитические категории жизни и смерти (проходящее рефреном «Жизнь моя затянулась»; «Сильный мороз суть откровенье телу / о его грядущей температуре» [Там же]), прямо говорится о концептах времени и пространства («Время есть холод» [Там же, с. 73]; «Холод ценит пространство» [Там же, с. 74]).

Время словно остановилось, замерло, как певичка, разглядывающая себя в зеркало: «Время глядится в зеркало, как певичка, / позабывшая, что это – “Фоска” или “Лючия”» [Там же]. Но стоит этой «певичке» отойти от него, как ее ожидают выход на сцену и роли с одинаковым концом: в случае «Госки» – падение с высокой башни, в случае «Лючии» – сумасшествие и смерть.

В понятие оледенения входит стадность, застывшее однообразие «массового творчества» («Всякое –во-саду-ли” / есть всего лишь застывшее –буги-вуги”» [Там же, с. 72]).

При этом холод способен вызывать и оберегаемые в памяти воспоминания о потерянной родине: «Я не способен к жизни в других широтах. / Я нанизан на холод, как гусь на вертел» [Там же, с. 75]. На фоне «звучащего» холода поэт воспекает бережно сохраняемый в памяти уют жизни в родном городе.

Несмотря на то, что зимняя образность приводит к размышлениям о «оледенении» всего мира, холодной вселенной, о том, что прошлое, как и будущее, одинаково холодны («Холод похож на холод, время – на время. Единственная преграда – теплое тело» [Там же, с. 73]), герой «поет синеву сугроба»: «Зима! Я люблю твою горечь клюквы / к чаю, блюдца с дольками мандарина, / <...> в детстве / и в тепле. Я пою синеву сугроба / в сумерках <...> / И дрова, грохотавшие в гулких дворах сырого / города, мерзнувшего у моря, / меня согревают еще сегодня» [Там же, с. 75].

«У каждого человека должны быть счастливые воспоминания. За неимением других, для меня такую роль играют эти», – признается в одном из интервью И. А. Бродский [18, с. 384]. Оледенение, столь значимое в данном стихотворении, словно растапливается теплом воспоминаний. Пение как ретроспекция выступает здесь с положительной коннотацией и становится образом творчества, в процессе которого воскресает прошлое. «Настигнуть или удержать утраченное или текущее Время – вот что волнует поэта» (З. Журавлева) [12, с. 157].

Через воспевание того, что в пространстве уже не существует, но живо во времени, уходит страх перед смертью («Зубы, устав от чечетки стужи, / не стучат от страха» [7, с. 76]).

«Жемчужины» счастливых мгновений прошлого, к которым И. А. Бродский обращается на протяжении всего творчества, «рассыпав» их по отдельным текстам, особенно важны для М. И. Цветаевой, мощным «ретроспективным импульсом» собравшей их в один «сундук воспоминаний».

В своем мемуарном очерке «Мать и музыка» М. И. Цветаева пишет об этом так: «О, как мать торопилась с нотами, с буквами, с Ундинами, с Джейн Эйрами, с Антонами Горемыками, <...> с одним против всех, с одним – без всех, точно знала, что не успеет... так вот – хотя бы это, и хотя бы еще это, и еще это, и это еще <...> Чтобы было, чем помянуть! <...> Как с первой до последней минуты давала – и даже давила! – не давая улечься, умяться (нам – успокоиться), заливая и забывая с верхом – впечатление на впечатление, воспоминание на воспоминание – как в уже невмещающий сундук (кстати, оказавшийся бездонным), нечаянно или нарочно?.. Мать точно заживо похоронила себя внутри нас <сестер Цветаевых. – Е. А.> – на вечную жизнь. Как уплотняла нас невидимостями и невесомостями, этим навсегда вытесняя из нас всю весомость и видимость. И какое счастье, что все это была не наука, а Лирика – то, чего всегда мало... Мать поила нас из вскрытой жилы Лирики...» [24, с. 14].

Как пишет биограф поэта, М. И. Цветаева постоянно обращалась к «сундуку матери» и особенно часто – в эмиграции [15]. «Истина состоит в том, что писатель в изгнании, в общем и целом, ретроспективное,

глядящее вспять существо», – утверждает И. А. Бродский в эссе «Состояние, которое мы называем изгнанием, или попутного ретро» (1987) [5, с. 806].

Зарубежный и отечественный опыт сопоставительного изучения творчества М. И. Цветаевой и И. А. Бродского обобщается в наших методологических исследованиях [10, с. 40; 11].

Композиционно-смысловой доминантой времени, многозначностью интерпретации времени года (метеорологической – зима, метафизической – «В определенном возрасте время года / совпадает с судьбой» [7, с. 76]), присутствием образа Музы («И голос Музы / звучит» [Там же]), противопоставленной абсолютному оледенению (смерти, забвению) и сопричастной функциональной значимости в тексте проблематики творчества, «Зимняя эклога» может быть во многом соотнесена с «Мухой» (1985). Закономерность такого сближения маркируется (в «Мухе») самоцитатой («Жизнь затянулась» [Там же, с. 73, 95]).

К комментированию и анализу «Мухи» И. А. Бродского неоднократно обращались филологи-слависты (см., в частности, работы А. Г. Степанова [20; 21], Л. В. Лосева [16, с. 238-239; 7, с. 405-407], Д. Н. Ахапкина [2, с. 86-88]). Однако с позиций интересующей нас проблематики необходимость в дальнейших литературоведческих изысканиях по-прежнему сохраняется.

Название стихотворения не должно вводить читателя в заблуждение. «Начиная жить поэзией <И. А.> Бродского, видишь, – отмечает М. Крепс, – что вообще мелочных тем она чурается; –мелочь жизни”, пустяк, случайное всегда в конечном счете находит себя звеном в накрепко спаянной цепи необходимого, ведущей в глубинное, коренное, становится единственной и неповторимой приметой времени» [14, с. 9].

В «Мухе» означенное уже в первой строфе время года, осень, совпадает с финалом «жизненной судьбы» насекомого, процессом распада его жизнедеятельности. О периоде его более активного жизнепроявления только упоминается. Вся предшествующая осени жизнь мухи редуцируется емким поэтическим образом: «Пока ты пела», и более жизнеактивным его вариантом: «Пока ты пела и летала» [7, с. 95], в повторяемости которого раскрываются причины ее осеннего агонизирующего состояния.

В той же первой строфе дается исходная характеристика осени, связанная непосредственно с состоянием Мухи. Это холод: «Пока ты пела и летала, / похолодало» [Там же]. В «Зимней эклоге» холод является главной атрибуцией Времени (афористичное «Время есть холод» [Там же, с. 73]). В метафизике поэта холод времени адекватен смерти (небытию). Метаморфозы холода (первоначально – приметы погоды) направлены на переход к холоду метафизическому, в ключе которого даются этапы судьбы насекомого: от первоначального «похолодало» к опавшим листьям, улетевшим птицам, оскудевшим прудам, далее – к ощущению холодеющей обнаженности природы, наконец – до «жути». «Хрустит капуста / в полях от холода», «Трава пожухла. / Немного жутко» [Там же, с. 97].

В системе этого разрушительного воздействия времени (природы) поэтом изображается (и осмысливается) распад жизнедеятельности Мухи: «Теперь ты еле / передвигаешься» (1-ая глава) [Там же, с. 95], «А ты, видать, совсем ослепла» (2-ая) [Там же]. Показывается утрата тех примет жизни, которые являются определяющими для поэтического образа Мухи. Первоначально: «ты пела и летала», теперь: «Совсем испортилась твоя жужжалка!» и «Ты отлеталась» [Там же, с. 97].

«В –Мухе» воспевается нечто в традиционной лирике невозможное – вялое, неопрятное, полудохлое насекомое. Однако, – пишет Л. В. Лосев, – именно воспевается, а не изображается с эпатирующей отвратительностью, как бывает в поэзии после Бодлера, поэт находит новый символ метаморфозы, смерти и воскресения, в мухе, ползающей под «жампочкой вполнакала» по «бесцветной пыли»» [16, с. 239].

Постепенно печальный конец навозной мухи, изображаемый порою иронически, в системе авторского осмысления переводится на онтологический уровень, что подкрепляется приемом соотнесения ее судьбы с человеческой (и своей собственной). При этом оказывается, что во временном контексте (до определенного предела) они совпадают: «Но времени себя не жалко / на нас растрчивать» [7, с. 97]. И далее, как бы в утешение умирающей Мухе: «Не думай / с тоской угрюмой, / что мне оно – большой союзник. / Глянь милая: я – твой союзник, / поделник, закадычный кореш» (10-ая глава) [Там же, с. 98]. Определение «Я – твой союзник» воспринимается как «соузничество» в пределах комнаты, где «окно с поддувом», и в пространстве Бытия. Это фиксируется и заключительной фразой 10-ой главы, непосредственно относящейся ко времени, точнее к непредсказуемости времени смерти: «срок не ускоришь» [Там же].

Мотив, неоднократно варьируемый в творчестве И. А. Бродского: Муха «отлеталась» – умерла, но это не конец стихотворения, а новый поворот развития авторской мысли, теперь уже заглядывающей в пределы «небытия»: «Чем это кончится? Мушиным раем?» [Там же, с. 100]. Этот «край» иронически уподобляется сладкой жизни: пасеке или малиновому варенью, над которыми кружатся «мушиные» души. Вопрос о рае соприкасается с вопросом о вечной жизни. И оказывается, что в «мушином» варианте вечная жизнь возможна только биологически, через навозную метаморфозу «чужой личинки» [Там же, с. 101].

Здесь-то и появляется в неожиданном ракурсе образ Музы, как неполной тезки Мухи. И появляется он «В провалах памяти, / в ее подвалах, / среди ее сокровищ – палых» (16-ая глава) [Там же, с. 99]. И его появление в «свите букв, алфавита» означает, что все это стихотворение продиктовано Музой: «Отсюда, муха, / длинноты эти» [Там же]. Еще в 13-ой главе мы читаем: «По крайней мере, / когда ты кончишься, я факт потери / отмечу мысленно – что будет эхом / твоих с успехом // когда-то выполненных мертвых петель» [Там же, с. 98]. Здесь автор лукавит с читателем, так как он «отмечает» этот «факт» не только мысленно, но и письменно. Это прочитывается и до появления Музы, и после него. Поэт не накрывает рукою Муху –

«пальцы заняты пером, строкою, / чернильницей» (14-ая глава) [Там же, с. 99]. И еще ранее, в 6-ой главе: «О букве шестирукой, ради / тебя в тетради / расхристанной <...> кириллицыным отголоском» [Там же, с. 96]. «Отпела» Муха, но подала голос Муза.

Итак, противопоставлено безвестности, исчезновению, забвению поэтом может быть только творчество. Та самая «творческая мазня», способная «смять / Время, как черновик», о которой поет Флейта в «Крысолове» М. И. Цветаевой [23, с. 81]. «И в этом отношении поэзия, с точки зрения <И. А.> Бродского, оказалась наиболее устойчивым из всех искусств по отношению к разрушительным воздействиям времени» (Э. Безносков) [3, с. 51].

«Основная тенденция русской культуры, – рассуждает И. А. Бродский в одном из интервью, – это тенденция утешения, тенденция обоснования существующего миропорядка на каком-либо подходящем трансцендентальном уровне. <...> В двадцатом веке только у двух-трех писателей можно заметить отход от традиционного восприятия мира, продиктованного русской культурой и литературой – это Марина Цветаева и Лев Шестов» [4, с. 334]. Рассмотренный материал позволяет утверждать, что подобный тип восприятия мира – отход от «тенденции утешения» – характерен и для И. А. Бродского. В связи с темой смерти и «немой вселенной» [7, с. 75] поэты «не сговариваясь, думают над одним и говорят одно» (М. И. Цветаева) [24, с. 345].

Вопросы временного развертывания темы творчества в произведениях И. А. Бродского всякий раз сопряжены с идеей прижизненного созидания некоего «поэтического тела», особой формы вечного существования, являющейся метафизическим паронимом плоти, подверженной тлению и трепещущей в мучительно сознаваемой агонии («Муха» / «Муза»).

Список литературы

1. Александрова А. А. Мифологемы воды и воздуха в творчестве И. Бродского: автореф. ... к. филол. наук. М., 2007. 24 с.
2. Ахапкин Д. Н. Иосиф Бродский после России. Комментарии к стихам И. Бродского (1972-1995). СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда»», 2009. 132 с.
3. Безносков Э. «...Одна великолепная цитата» // Мир Иосифа Бродского. Путеводитель: сборник статей. СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда»», 2003. С. 23-53.
4. Бродский И. А. Книга интервью / сост. В. Полухина. М.: Захаров, 2008. 784 с.
5. Бродский И. А. Малое собрание сочинений. М.: Издательская группа «Азбука-классика», 2010. 880 с.
6. Бродский И. А. Письмо Горацио [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru:81/inostran/1997/1/brodciy.html> (дата обращения: 28.09.2013).
7. Бродский И. А. Стихотворения и поэмы: в 2-х т. СПб.: Издательство Пушкинского Дома; Вита Нова, 2011. Т. 2. 576 с.
8. Бруднэ-Уигли Е. Пленник времени в метафорическом пространстве // Бродский и мир. Метафизика. Античность. Современность. СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда»», 2000. 376 с.
9. Гельфонд М. «Урания» Бродского и «Сумерки» Баратынского // Иосиф Бродский: стратегии чтения: материалы Международной научной конференции 2-4 сентября 2004 года в г. Москве. М.: Издательство Ипполитова, 2005. С. 341-350.
10. Егоров А. А. Деятельностный подход к применению электронных образовательных ресурсов в педагогической практике // Применение информационно-коммуникационных технологий в повышении квалификации: методические рекомендации / ред. О. Д. Лапицкая. Псков: ПОИПКРО, 2013. С. 34-42.
11. Егоров А. А. Сравнительное изучение творчества И. А. Бродского и М. И. Цветаевой: тенденции и перспективы (методологический аспект) // Наука, образование, общество: тенденции и перспективы: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 августа 2013 г.: в 3 ч. М.: АР-Консалт, 2013. Ч. I. С. 38-43.
12. Журавлева З. Иосиф Бродский и время // Мир Иосифа Бродского. Путеводитель: сборник статей. СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда»», 2003. С. 149-168.
13. Ковалева И. И. На пиру Мнемозины // Бродский И. А. Кентавры. Античные сюжеты. СПб.: ЗАО «Журнал «Звезда»», 2001. С. 5-59.
14. Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского. СПб.: Звезда, 2007. 200 с.
15. Кудрова И. В. Путь комет: в 3-х т. СПб.: Книга; Издательство Сергея Ходова, 2007. Т. 2. После России. 560 с.
16. Лосев Л. В. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии. 3-е изд. М.: Молодая гвардия, 2008. 447 с.
17. Лотман Ю. М., Лотман М. Ю. Между вещью и пустотой (Из наблюдений над поэтикой сборника Иосифа Бродского «Урания») // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб.: Искусство-СПб, 2001. С. 848.
18. Мейлах М. Б. Иосиф Бродский в Лондоне: разговор с Иосифом Бродским летом 1991 года // Иосиф Бродский: стратегии чтения: материалы Международной научной конференции 2-4 сентября 2004 года в г. Москве. М.: Издательство Ипполитова, 2005. 521 с.
19. Мищенко Е. В. И. Бродский и М. Цветаева: уроки композиции // Иосиф Бродский в XXI веке: материалы Международной научно-исследовательской конференции. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. С. 37-41.
20. Степанов А. Г. Об одной строфической модели у И. Бродского: «Муха» // Литературный текст: проблемы и методы исследования: сборник научных трудов. Тверь: Издательство ТвГУ, 1999. Вып. 5: «Свое» и «чужое» слово в художественном тексте. С. 153-163.
21. Степанов А. Г. Об одном энтомологическом образе и его деривате у И. Бродского: «Муха» // Парадигмы: сборник работ молодых ученых. Тверь: Издательство ТвГУ, 2000. С. 188-203.
22. Усачева А. С. Концепт времени и пространства в «Эклоге 4-й (зимней)» И. А. Бродского // Филологические этюды: сборник научных статей молодых ученых, посвященный 100-летию со дня рождения Г. А. Гуковского. Саратов: Издательство СГУ, 2003. Вып. 6. С. 222-226.
23. Цветаева М. И. Собр. соч.: в 7-и т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 3. 816 с.
24. Цветаева М. И. Собр. соч.: в 7-и т. М.: Эллис Лак, 1994. Т. 5. 720 с.
25. Шерр Б. «Эклога 4-я (зимняя)» (1977), «Эклога 5-я (летняя)» (1981) // Как работает стихотворение Бродского. Из исследований славистов на Западе. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 159-171.
26. Polukhina V. Joseph Brodsky: A Poet for Our Time. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. 324 p.

ON QUESTION OF MOTIF-IMAGE REPRESENTATIONS OF “METAPHYSICAL COLD” AND OVERCOMING IT IN I. A. BRODSKY’S POETRY

Egorov Aleksandr Aleksandrovich

Pskov State University

egorov.alexan@gmail.com

In the article the key representations of winter image and dying motif in I. A. Brodsky’s poetry as initial premises for the metaphysical solution of creativity topic and the poet’s immortality problem are considered. The examples of reminiscence convergence with M. I. Tsvetaeva’s creative methodology are given. Special attention is paid to the analysis of some I. A. Brodsky’s poetic texts (–Eclogue IV: Winter”, –Fly”), which are the most significant in respect of the artistic display of the poet’s temporal guidelines.

Key words and phrases: creative method; topic of creativity; artistic time; topic of death; metaphysics of creativity; reminiscence connections; lyrical poetry; artistic image; Tsvetaeva; Brodsky.

УДК 81-112

Филологические науки

Статья посвящена комплексному исследованию языка поэтических произведений «Диван-и хикмет» выдающегося тюркского суфийского поэта XII века Ахмада Ясави. Целью исследования является системное изучение графических и фонетических особенностей языка хикметов А. Ясави, установление их связи с нормами современного татарского литературного языка и его диалектами. В статье описывается культурно-историческая и языковая ситуация, сложившаяся в XI-XII вв. в Средней Азии и Поволжье; рассматриваются графо-фонетические особенности хикметов А. Ясави.

Ключевые слова и фразы: графические особенности; фонетические особенности; тюркская письменность; литературный язык; язык произведений; язык писателя.

Ишкинина Лейсан Кафилевна, к. филол. н., доцент

Поволжская государственная академия физической культуры, спорта и туризма

leisanishkinina@mail.ru

ГРАФО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЭТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ XII ВЕКА АХМАДА ЯСАВИ[©]

Воссоздание истории языка, установление преемственности и связей ранних этапов развития языка с современным его состоянием невозможны без системного лингвистического анализа важнейших памятников тюркской письменности.

К настоящему времени сохранилось значительное количество художественных, исторических произведений, написанных на тюркском языке. Однако не все памятники тюркской средневековой литературы стали предметом всестороннего научного изучения, что связано с религиозной направленностью средневековой тюркской литературы, с одной стороны, и с советской идеологией – с другой. Серьезную трудность представляло также то обстоятельство, что все эти памятники написаны на арабской графике. Лишь с начала 80-х годов XX в. в процессе исследования истории литературных языков появляются работы, посвященные изучению языка отдельных художественных произведений и стиля деловых бумаг предыдущих эпох. Это работы Я. С. Ахметгалеевой [2], З. Хисамиевой [21], А. Х. Маннаповой [14], А. Х. Алеевой [1], Р. З. Мухаметрахимовой [16], Г. Б. Шамаровой [22], Ф. Ш. Нуриевой [18], А. И. Исламовой [10], Х. Х. Кузьминой [12], Э. Х. Кадировой [11] и др.

Язык любого писателя может изучаться как свидетельство состояния языка его эпохи и как определенное историческое звено в развитии литературного языка. Каждому писателю присущи свои языковые манеры, стилистические приемы – это неотъемлемая часть его творчества. К числу таких относится и творческое наследие Ходжи Ахмада Ясави – философа, ученого-энциклопедиста, проповедника и поэта XII века, чьи стихи вошли в сокровищницу мировой культуры.

X-XV века – это эпоха формирования литературного языка «тюрки» и всех его локальных вариантов [4]. В караханидский период этой эпохи устанавливаются нормы и каноны одного из первых развитых тюркских литературных языков – уйгуро-карлукского языка.

Распространяясь в тюркской среде на территории Средней Азии и Ирана, уйгуро-карлукский литературный язык «тюрки» локализовался в двух основных вариантах: на востоке – в Мавераннахре, а на Западе – в Хорезме. В XI-XII вв. основное население Хорезма составляли огузские и кыпчакские родоплеменные объединения. Этот вариант «тюрки» был языком смешанным, имеющим как уйгуро-карлукские черты (*d~ḍ*), так